

XII, 22), живутъ теперь той единой жизнью человѣческаго естества, какой жили Адамъ и Ева въ раю.

Единство людей, воссоединенныхъ съ Источникомъ жизни и Правды — Богомъ, и по сему живущихъ единствомъ благодатной жизни (принесенною на землю Сыномъ Божиимъ), воссоединенныхъ во единое новое бытіе, которое несетъ образъ Тройческаго бытія, — бытіе, въ которомъ многія личности становятся единымъ существомъ, — это единство, это единое новое бытіе называется Церковью.

Протоіерей А. Ванекъ.

При рѣкѣ Ховарѣ*).

Рѣчь, произнесенная прот. С. Булгаковымъ въ день 10-лѣтія Парижскаго Богословскаго Института.

Начну съ личныхъ воспоминаній. Послѣ взятія Крыма большевиками въ 1920 году, я не присоединился къ общей эвакуаціи, которой послѣдовали другіе члены В. Ц. У. (съ м. Антоніемъ и еп. Веніаминомъ во главѣ), и остался въ родной землѣ. Передо мной прошла волна краснаго террора, страшный голодь и начавшееся гоненіе на Церковь — изыятіе церковныхъ цѣнностей, начавшееся живоцерковство. Въ 1922 году я былъ на приходѣ въ Ялтѣ, въ совершенномъ богословскомъ одиночествѣ. Тамъ я и мнилъ, отдавши на пастырскую работу оставшіяся силы, закончить дни. Свои досуги я посвящалъ изслѣдованію о filioque, и за томомъ Миня (издатель святоотеч. твореній) застали меня пришедшіе ко мнѣ для обыска и ареста. Въ тюрьмѣ мнѣ было объявлено, что я подлежу пожизненной высылкѣ за границу, въ числѣ другихъ профессоровъ. Это совпало съ временемъ активнаго натиска живоцерковниковъ; въ Симферополѣ начался большой процессъ „религіозниковъ“, и, конечно, и моя судьба рѣшилась бы въ эти дни, когда рука Промысла неожиданно подъяла меня, и я очутился (въ началѣ 1923 года) въ Царьградѣ. Оттуда я былъ вызванъ друзьями въ русскій факультетъ въ Прагѣ, но еще въ Константинополѣ я имѣлъ вѣсть, что за границей бродитъ мысль о созданіи высшей богословской школы. Эта мысль уже была мнѣ близка и ранѣе. Еще въ Россіи, когда дни старой школы были явнымъ образомъ сочтены, вмѣстѣ съ своимъ другомъ о. П. Фл. я прилагалъ величайшія усилія къ созданію свободной и въ то же время церковной, современной и вѣрной преданію, богословской школы.

*) Ховаръ — рѣка, упоминаемая пророкомъ Іезекіилемъ находившемся въ плѣну Вавилонскомъ, какъ мѣсто видѣнія Славы Божіей (Іез. 1, 1).

Тогда эта мечта, конечно, разсѣялась, какъ облако, передъ лицомъ большевистской революціи. Теперь она какъ будто снова сулила осуществиться, хотя и въ измѣненномъ видѣ, съ присоединеніемъ практической задачи приготовленія пастырства, причѣмъ, однако, богословская задача оставалась первенствующей. И вотъ черезъ два года совершилось это чудо преп. Сергія, — возникла богословская школа въ Парижѣ, въ центрѣ міра, среди инославія, и не только возникла, но и прожила, и проработала въ теченіе 10 лѣтъ. Это десятилѣтіе есть уже совершившійся фактъ въ исторіи русскаго Православія. Даже если бы наше дѣло прекратилось, оно останется пребывающимъ въ скрижаляхъ исторіи. Въ нашей школѣ все явилось импровизированнымъ: и матеріальныя средства существованія, не имѣющія для себя никакого государственнаго или даже общественнаго, прочнаго обезпеченія, но приходящія отъ русскіхъ и иностранныхъ благодѣтелей, подобно хлѣбамъ, привозимымъ въ обиталь преп. Сергія. Планъ нашего бюджета включаетъ только расходы, но не доходы, и главная его основа — чудо преп. Сергія. Но также импровизированнымъ явился и ея научный персоналъ: вмѣстѣ съ представителями старшаго поколѣнія, которымъ провидѣніемъ дано было, вмѣсто лютой смерти, еще 10-лѣтіе богословскаго труда, сюда стеклись представители новаго поколѣнія, непатентованные богословы, какъ бы офицеры военнаго времени, которые принесли съ собой свой энтузіазмъ любви и вѣрность Церкви. Образовалась своеобразная группа богослововъ, при всей разности индивидуальныхъ образъ въ отмѣченная единствомъ судьбы и призванія: служить Церкви богословской мыслью, научнымъ трудомъ, — такова наша русская „Ораторія“*). *Docendo discimus* (уча, учимся). Новое русское богословіе рождается изъ нужды и въ связи съ преподаваніемъ, и изъ трудовъ и дней выросла цѣлая богословская литература, создалась особая школа — Парижскаго богословія, которая, несмотря на сложную и даже диссонансную гармонію, имѣетъ нѣкоторое общее лицо и составляетъ единое цѣлое. Оно, это богословіе, не было и не хотѣло быть непомнящимъ родства и небрежущимъ преданіемъ, но оно было вырвано изъ своей колеи и оторвано отъ родной почвы. Оно возрастало на духовной чужбинѣ, какъ вожди Израиля въ Вавилонскомъ изгнаніи. Ибо они не только плакали на рѣкахъ Вавилонскихъ, но и имѣли великія пророческія видѣнія, какъ

*) „Ораторіями“ въ минувшее время назывались собранія духовенства, не давшаго монашескихъ обѣтовъ, по жившаго подвижнической жизнью, для регулярнаго совмѣстнаго чтенія и изученія Священнаго Писанія. Въ свое время „Ораторіи“, особенно во Франціи, прославились заслугами въ области богословія и философіи. Редакція.

Иезекииль при рѣкѣ Ховарѣ и Данииль при дворѣ царей. Соприкасаясь съ высокой мудростью Востока, они не только сохраняли, но полнѣе и глубже постигали тайну собственнаго избранничества. Народъ Божій, который былъ выброшенъ изъ земли обѣтованной въ царство Вавилонское, унеся съ собою сокровище своей вѣры, не погибъ, но духовно возродился. Его національное самосознаніе расширилось до вселенскаго. Его исторія изъ провинціальной стала всемірной. Возвратившіеся изъ изгнанія оказались способны къ возстановленію храма и ограда закона. Вавилонское плѣненіе явилось творческой эпохой въ исторіи Израиля, и безъ него мы не имѣли бы Ветхаго Завѣта въ его полнотѣ. Никакой народъ не можетъ сравниться въ судьбахъ своихъ съ народомъ избраннымъ, однако мы можемъ находить въ нихъ подобіе и нашимъ собственнымъ. Подобное испытываемъ и мы, хранители завѣтовъ Православія, на этомъ маломъ островѣ въ океанѣ Вавилонскомъ. Мы стоимъ передъ лицомъ инославнаго и языческаго міра, и притомъ во время величайшихъ міровыхъ катастрофъ, которыя измѣнили не только нашу болъную родину, но и измѣняютъ ликъ всего міра. Все христіанство стоитъ передъ великими и новыми задачами въ своемъ призваніи пасти народы, для чего оно доселе еще оказывается несостоятельнымъ. Все христіанство по новому сознаетъ необходимость общецерковнаго единенія и его ищетъ на путяхъ экуменизма, которые и намъ не невѣдомы. Духовный провинціализмъ, хотя и сохраняется въ тихихъ затонахъ до первой бури, но уже потерялъ право на существованіе: онъ остается лишь въ качествѣ неподвижнаго старообрядчества, подкрѣпленнаго лѣнностью мысли. Передъ тѣми проблемами богословской мысли и жизненнаго самоопредѣленія, передъ которыми стали мы здѣсь съ самаго начала своего существованія, не стояли наши предки, онѣ ввѣрены Провидѣніемъ намъ, какъ наше дѣло, какъ наши задачи. Наше дѣло въ Парижѣ есть не только мѣстно-провинціальное, но и міровое; и не потому, что мы живемъ въ міровомъ городѣ (можно и живя въ немъ остаться въ глухой провинціи, что мы непрестанно и наблюдаемъ), но потому, что мы живемъ съ міромъ, вошли въ его творческій трепетъ. Вѣчность церковная вообще совершаетъ свое бытіе во времени, и каждая историческая эпоха имѣетъ свой собственный ликъ, усваиваетъ особую тональность, опредѣляется характерной для нея проблематикой. И Парижское богословіе хочетъ быть и является современнымъ въ отношеніи къ своей современности, подобно тому какъ были современниками своей современности, а потому и вождями своей эпохи тѣ, кого Церковь ублажаетъ какъ вселенскихъ учителей. Печать эпохи явственно лежитъ на нашемъ богословскомъ творествѣ и, поскольку

новое есть синонимъ творчества, это и есть нашъ „модернизмъ“, въ которомъ насъ укоряютъ люди, тщашіеся бессильно остановить солнце и упразднить исторію. Но этотъ модернизмъ есть и хотеть быть живымъ преданіемъ, которому мы посильно служимъ въ вѣрности Церкви. Чудо творчества не совершается безъ творческаго дерзновенія, и его вдохновеніе ищетъ для себя своихъ собственныхъ путей, ибо поистинѣ, въ дому Отца суть обители многи. Но есть одно условіе, при которомъ лишь возможно богословское творчество, это — свобода исканія, безъ которой утрачивается искренность и воодушевленіе. При всѣхъ своихъ достоинствахъ и достиженіяхъ, прежняя духовная школа не имѣла этого блага въ такой мѣрѣ какъ мы, которые почтены этимъ даромъ отъ нашего іерархическаго главы*), и, думается, всѣ мы чувствуемъ потребность высказать свое убѣжденіе, что эта заслуга его золотыми письменами впишется въ скрижали исторіи. Да, мы были свободны въ своемъ богословствованіи, намъ было оказано довѣріе, и, смѣю сказать, мы его оправдывали и оправдываемъ. Ибо наша свобода есть церковная свобода, вѣрныхъ и любящихъ сыновъ Церкви, а не взбунтовавшихся рабовъ. Мы хотимъ свободной преданности Церкви, — вѣрности ея преданію, но вѣрности творческой. Вѣроятно, скажутъ, что даръ духовной свободы есть не только драгоцѣнный, но и опасный даръ. Можетъ быть, это и такъ, но позволительно ли прежде всего искать безопасности? Все творческое содержитъ въ себѣ элементъ риска и неувѣренности. Не опаснымъ ли является передъ судомъ здраваго смысла и само Христіанство, и намъ-ли въ наши дни всеобщаго смятенія апеллировать къ безопасности? Апостоль шелъ по водамъ за Христомъ, пребывая въ безопасности, но сталъ тонуть, какъ только испугался этого своего пути. И существуетъ-ли путь, обезпеченный въ его безопасности, среди этого мірового урагана, въ этой океанической бурѣ? Только любовь ко Христу и Церкви Его можетъ дать намъ эту спасительную увѣренность.

Есть одна черта, которую можетъ засвидѣтельствовать о себѣ Парижское богословіе въ оправданіе своей свободы и самаго даже существованія: оно рождается изъ молитвы; больше того — изъ вдохновеній Божественной Евхаристіи, у алтаря. Не внѣшне только, но и внутренне наша школа соединена съ храмомъ, и наши убогія рабочія храмины находятся непосредственно подъ храмомъ. Это знаменуетъ естественную іерархію цѣнностей и въ нашихъ сердцахъ. *Lex orandi*

*) Владыка Евлогій, Митрополитъ Западно-Русской Православной Митрополіи. (Ред.).

est lex credendi — говорить богословская формула, — и lex theologisandi. Законъ молитвы есть законъ вѣры и законъ богословствованія. И безъ ложной гордости, но и безъ лицемѣрной скромности можемъ мы сказать, что богословскій трудъ истекшаго 10-лѣтія представляетъ особую страницу русскаго православнаго богословія, открываетъ какъ-бы новую ея главу. Онъ уже неотъемлемо принадлежитъ исторіи, сколь бы ни малы были наши силы, сколь бы ни тяжелы были условія нашего труда. Богословскіе труды дѣятелей нашей школы даже и количественно не уступаютъ, а можетъ быть относительно превышаютъ труды нашихъ западныхъ собратій за истекшее 10-лѣтіе. Есть особый коллективный, написанный и не написанный, опубликованный и неопубликованный трудъ — Парижское Богословіе. Его мы со всей почтительностью приносимъ Церкви и его со всей вѣрностью посвящаемъ нашей Родинѣ.

Есть главный коэффициентъ или множитель, которымъ умножается наша работа и интегрируется: это — ея церковность. Какъ уныло и — правду сказать — скучно личное самоутвержденіе, чѣмъ бы оно ни оправдывалось, хотя, впрочемъ, вполне оно никогда не можетъ быть оправдано. Мы не только не можемъ, но и не хотимъ притязать на такое самоутвержденіе, ибо служимъ Церкви и въ Ея сокровищницу хотимъ принести, что имѣемъ, да умножить Она нашу малость величіемъ своимъ. Не намъ, не намъ, но Имени Твоему даждь славу.

Мы именуемъ своимъ духовнымъ вождемъ и покровителемъ преп. Сергія, и его образъ да будетъ на нашемъ трудѣ означенъ, — образъ смиренія, соединеннаго съ вдохновеніемъ и дѣятельной любовью. Его творческій подвигъ на зарѣ 14-го вѣка — въ другомъ мѣстѣ и въ иныхъ условіяхъ хотимъ продолжать мы въ наши дни, церковный, національный, общечеловѣчскій. Его молитва и богомысліе, служеніе братіи и всѣмъ страждущимъ, его болѣніе о душѣ народа и о судьбахъ родины и міра да будетъ для насъ руководящимъ образомъ. Преп. Сергій во свидѣльство своихъ вдохновеній создалъ храмъ-пресв. Троицы, Бога-Любви. Этотъ храмъ духовно есть соборъ всего христіанскаго міра, образъ Церкви Вселенской. И да совершается трудъ нашъ подъ куполомъ этого храма!